

НАУКИ О ЧЕЛОВЕКЕ

Тамара ДЛУГАЧ

доктор философских наук, главный научный сотрудник сектора истории западной философии.

Институт философии Российской академии наук.

109240, Российская Федерация, Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1;

e-mail: dlugatsch@yandex.ru

НЕОБХОДИМА ЛИ СЛУЧАЙНОСТЬ? – РАЗМЫШЛЕНИЯ ФРАНЦУЗСКИХ ПРОСВЕТИТЕЛЕЙ

В статье выясняется соотношение необходимости и случайности в историческом плане, оно рассматривается сквозь взгляды видных французских просветителей – материалистов Гольбаха, Гельвеция и Дидро. Гольбах одним из первых в XVIII в. отождествил необходимость и причинность, отнес случайность к тем явлениям, причин которых мы пока не знаем. По его убеждению, всё в мире определённо, жёстко и однозначно; если мы знаем причину настоящего события, то можно думать, что оно явится причиной следующего, и так далее. Нет ни одной частицы материи, ни одного человека, которые не находились бы там, где должны находиться, и действовать именно так, как они действуют, ибо это определено предшествующим рядом причин. Взгляды Гольбаха несколько опережают выводы П. Лапласа, описавшего предполагаемого Демона, знающего абсолютно всё в прошлом и будущем.

Казалось бы, взгляды Гельвеция, отстаивавшего могущество случайности, опровергают учение Гольбаха. Но это не так: если необходимо всё, что случается, то случайность так же необходима, и обоснования Гельвеция направлены к этой цели. Гельвеций обращает основное внимание на воспитание, доказывая, что здесь всё определяет случай.

Дени Дидро, рефлексируя над способом мышления своих друзей, приходит к выводу, что обоснования в пользу необходимости оборачиваются обоснованиями в пользу случайности и наоборот, т. е. движутся от тезиса к антитезису

и наоборот, и, таким образом, открывает особую, негегелевскую диалектику в их рассуждениях. Этому посвящены его диалоги «Племянник Рамо» и «Жак-фаталист».

Размышления над французскими решениями позволяют наметить перспективу сегодняшних исследований проблемы, большое влияние на развитие которых оказывают работы В.С. Стёпина.

Ключевые слова: необходимость, случайность, причина, цепь, связь, диалектика, воспитание, способ мышления, явление, рассуждение, диалог

С незапамятных времён людей волновал вопрос: предопределена ли их жизнь с начала до конца или она могла бы пойти по другому руслу? Этот вопрос связан с другим: предопределены ли с необходимостью природные события или же возможны варианты?

С религиозной точки зрения жизнь человека задана, но не жёстко, так как человек обладает свободой, она направляет его в разные стороны, в зависимости от выбора добра или зла.

Природные факты тоже требуют осмысления. Кажется правильным отыскать причину какого-нибудь события в его истории; но после этого не значит, как известно, вследствие этого; поэтому в прошлом требуется найти такие элементы, развитие которых обязательно приведёт к нынешнему. Это и будет необходимая связь двух событий, а также причина последнего.

Когда мы говорим о причине, имеем ли в виду только необходимость или существует случайность? И как определить то и другое?

До сих пор ответы даются разные. Автор недавно вышедшей интересной книги «Эмпирия и теория» Г.Д. Левин склоняется к мнению, что в мире существует одна только необходимость, потому что у каждого явления есть своя причина. «Необходимым мы называем событие или его результат – положение вещей. *Необходимостью* мы называем то, что делает это событие или это положение вещей необходимым (тавтология? – Т.Д.)» [9, с. 69]. По мнению Г. Левина, случайности вообще нет: «...моё предложение: точку зрения, согласно которой все без исключения события в универсуме однозначно детерминированы предшествующей историей универсума и, следовательно, необходимы, назвать концепций *жёсткой детерминации*» [9, с. 88]. Это последовательный, или лапласовский, детерминизм. Далее автор утверждает, что вполне логично назвать подлинно случайные события мягким, или непоследовательным, детерминизмом. Почему – логично? И что значит – случайные? Автор поясняет: «...никакого другого детерминизма, кроме твёрдого, т. е. последовательного, не бывает... Мягкий детерминизм, детерминизм с исключениями – это то же самое, что закон сохранения с исключениями...» [9, с. 88]. Г.Д. Левин полагает, что вопрос о существовании случайностей – вечный философский (нерешаемый) вопрос.

Если согласиться с автором в том, что у каждого события есть своя история, т. е. причина, то, действительно, всё в мире необходимо; но дело в том, что у *каждого* события *своя* отдельная причина; другие причины не могут слиться для него в одну, и тогда случайным станет столкновение *двух* (или нескольких) необходимых событий (предметов). Так, землетрясение, уничтожающее посевы, имеет свои причины, не совпадающие с причинами роста растений. И они – случайны для посевов. Так ли это? Правильным ли будет сказать, что необходимость – это то, что не может быть иначе, а случайность – то, что может не быть или быть по-другому? Именно так определил необходимость и случайность великий Гегель, у которого мы черпаем и сегодня нужные определения.

Если взглядеться в более ранние определения, то признаётся: то, что познаётся эмпирически-случайно; то, что теоретически – необходимо.

Своеобразное понимание было у французских материалистов XVIII века, с большим интересом впервые разработавших проблему необходимости случайности. Материалисты этого периода – прежде всего П.А. Гольбах – считали необходимым то, что имеет *познанную* причину. В том случае, когда мы причину не знаем, событие кажется нам случайным; как только мы её найдём, мы относим его к необходимому.

Мы видели, что это не так: землетрясение имеет свои причины в колебаниях земной коры, в повышении температуры атмосферы и пр. Но оно остаётся случайным по отношению к посевам. Всё же интересно ознакомиться с доказательствами П.А. Гольбаха.

Поль Анри Гольбах был одним из образованнейших людей своего времени. Он прекрасно знал естественные науки, в том числе химию и математику. И в представления французских мыслителей незаметно, но прочно вошли открытия, сделанные их соотечественником – великим Декартом. Сделавшей механический метод универсальным, открывший геометрическую систему координат, он установил следующую зависимость: если тело находится в определённое время в определённой точке пространства, то в следующий момент оно будет находиться тоже в строго определённой точке. Это и было началом учения о необходимости в естествознании, да и в философии. Уровень знаний Гольбаха был выше уровня знаний всех его друзей, даже и Дидро, несмотря на то, что тот был энциклопедистом. Стремясь открыть в то же время философские решения, Гольбах распространил механические выводы на человека. Тогда выходило, что жизнь человека и всё его поведение вписывается в единую жизнь природы. И точно так же, как осуществляется причинное воздействие в природе, происходит и причинное воздействие в человеческой жизни.

Здесь надо заметить, что к XVII в. сменяются ориентиры просветительских рассуждений: Бог заменяется природой. Природа начинает играть важную роль во всех естественно-научных и философских по-

строениях. Она – основа всех социальных программ и всех естествен-но-научных выводов. Человек – дитя природы, поэтому объяснять его жизнь и поведение надо также исходя из природы.

И Гольбах следует признать одним из основателей таких взглядов. Его главное сочинение носит поэтому название «Система природы» (1770), и она объясняет жизнь человека на базе механических законов, лежащих, как Гольбах полагает, глубоко в недрах природы.

«Система природы» произвела неизгладимое впечатление на современников, так как в ней впервые был представлен единый универсальный способ изучения всего существующего. Вместе с тем на тех, кто склонялся к особым соображениям относительно живого, она производила неприятное впечатление. Гёте, например, писал: «Как же пусто и неприветливо стало у нас на душе от этого печального полумрака, закрывшего собой землю со всеми её образованиями, небо со всеми его звёздами. Материя, утверждала книга, неизменна, она постоянно в движении и благодаря этому движется влево, вправо и во все стороны, без дальнейших околичностей возникают все бесконечные формы бытия. Мы бы этим удовлетворились, если бы автор на наших глазах построил мир... Но он, видимо, так же мало знал природу, как и мы, ибо, твёрдо установив некоторые основные понятия, тотчас же забывал о них, чтобы превратить то, что выше природы, в природу материальную, тяжёлую, правда, подвижную, но расплывчатую и бесформенную, полагая, что этим достигает очень многого» [2, с. 359].

Гёте был не слишком прав; конечно, невнимание к специфике живых тел превращала природу во что-то непривлекательно-механическое, в машину, но, как отмечают М. Бур и С. Дитч, «механистический подход давал возможность найти универсальный подход ко всем явлениям природы» [15, S. 9–39].

П. Гольбах вписывает человека в природную цепь действий причин; коль скоро все природные явления обусловлены причинно, то и все события человеческой жизни также определены причинами. Причина же как универсальный смысл всего существующего железно определена, согласно Гольбаху, всем естествознанием.

Итак, П. Гольбаху надо было объяснить, что человек – продукт развития природы, а вовсе не создание Бога. Он взывает к человеку, чтобы тот уяснил себе это и интерпретировал свои деяния именно в этом плане. Тогда все фальшивые, изоцирэнно-фантастические изменения исчезнут и человек представит своё настоящее и будущее правильно.

Человек – дитя природы и навсегда останется в ней, пишет просветитель, он подчинён её законам и не может даже в мысли выйти за пределы природы. Для него не существует ничего, кроме того великого целого, внутри которого он находится. Предполагаемые существа, будто бы находящиеся вне природы, – призраки. Человек должен изучать законы природы и подчиняться им.

Интересно, что французские материалисты говорили о человеке как о физиологическом чувственном существе, но физиология сводилась к механике; ощущения признавались движением мельчайших механических частиц.

Вся природа есть ряд причин и следствий. В телах вовсе нет самопроизвольных движений, доказывает Гольбах, все изменения вызываются причинами внешними – воздействием других тел. Правда, противореча самому себе, он говорит и о внутренних причинах – в сущности данного тела, но это – неважная причина. Человеческая воля испытывает воздействие внешних скрытых или явных причин; человек думает, что действует свободно, на деле же на него влияют внешние причины, а также внутреннее стремление к физическим удовольствиям, свобода и свободная воля отрицались, потому что они признавались религией.

Надо отметить, что Гольбах дал первые и всеобщие определения материи и движения, вошедшие в арсенал материализма вообще: «Движение – это способ существования (façon d'être), необходимым образом вытекающий из сущности материи» [3, с. 75]; «материя есть вообще всё то, что воздействует каким-нибудь образом на наши чувства» [3, с. 84]. Но всё это происходит на основе механики.

В природе могут быть, повторяет Гольбах, лишь естественные связи.

Люди обманываются, когда пренебрегают природой и её законами. Из-за незнания своей природы человек стал рабом своих склонностей. Он не понял, что другие люди необходимы ему для его собственного счастья. Люди отказались от свидетельств своих чувств и подчинились иллюзиям. Обратимся же к природе! – призывает французский просветитель. – Обратимся к свидетельствам наших чувств! Природа – это материя и движение: «её совокупность раскрывает перед нами лишь необъятную и непрерывную цепь причин и следствий» [3, с. 66]. Здесь даётся определение того, что такое причина: «Причина – это тело или явление природы (être), приводящее в движение другое тело или производящее в нём какое-нибудь изменение. Следствие – это изменение, произведённое каким-нибудь телом в другом теле при помощи движения» [3, с. 66].

Люди, по Гольбаху, создания природы, одеты ли они в звериные шкуры или рядятся в роскошные одежды. «Всё, что мы делаем для изменения своего существа, является лишь длинной цепью причин и следствий, представляющих собой только развитие полученных нами от природы первичных импульсов» [3, с. 61]. Он приводит примеры: из бабочки выходит червяк, затем под влиянием тепла он становится куколкой, а потом – бабочкой; и всё начинается сначала. Аналогичные превращения мы видим, как он думает, всех насекомых, да и у людей также. Человек – это человек, действующий под влиянием причин, распознаваемых нами с помощью наших чувств.

Мы видим, что для Гольбаха, действительно, главный закон природы – это причинность внутри неё, в сущности предшествующего события заключены последующие изменения тел; и каждая причина замыкается в следующую, так как одно тело действует на другое. Есть некая единая цепь причин, в которую включён и человек. Она редуцирована к той же самой механике. «Человек есть чисто физическое существо; духовный человек – то же самое физическое существо, только рассматриваемое под известным углом зрения» [3, с. 60]. Он определённым образом организован, но его организация – тоже дело рук природы. Разве все её законы не являются физическими? – Задаёт вопрос Гольбах и отвечает: да, конечно: всё, что мы делаем или мыслим, чем мы являемся или чем будем, всегда лишь следствия того, чем нас сделала всеобъемлющая природа. Все наши идеи, чувства, желания, действия – результат действия природы.

Советский исследователь К.Е. Ям писал о Гольбахе как о самом последовательном естественно-научном мыслителе, утвердившем в своих построениях причинную автономию [14], а американец Г. Дикман провозгласил Гольбаха первым метафизиком (философом) французского Просвещения [16, S. 221]. Все возникающие в природе движения следуют постоянным и необходимым законам. Всякая причина производит следствия, не может быть следствий без причин, а «необходимость есть постоянная и ненарушимая связь причин с их следствиями» [3, с. 99]. Природа существует и действует необходимым образом, и всё, что она содержит в себе, необходимым образом способствует вечности её деятельного бытия.

Итак, всё в природе совершается с необходимостью, случай – это слово, прикрывающее наше незнание причины.

Случайности в естественных событиях нет. «В вихре пыли, поднятой буйным ветром, как бы хаотичным он нам ни казался, в ужаснейшем шторме, вызванном противоположно направленными ветрами, вздымающимися волны, нет ни одной молекулы пыли или воды, которая расположена *случайно*, не имеет достаточной причины, чтобы занимать то место, где она находится, и не действует именно тем способом, которым она должна действовать» [3, с. 100]. Ничто не бывает случайным в мире, так как всё имеет причину. Необходимость отождествляется с причинностью.

Гольбах, как и другие просветители-материалисты, отрицал случайность из-за того, что, во-первых, выступая, против церкви, они отрицали всякую случайность как некое чудо. А, во-вторых, стремились свести всё к механике; а в ней – по тем временам – вообще не было понятия случайности. П. Лаплас, теоретик механицизма XVIII в., утвердил всеобщий детерминизм, исключая всякую случайность. Но это случилось позже и, как ни странно, оказалось, что крайности сходятся: отрицание случайностей поднимало случайность до уровня необходимости: необходимо всё, что случается, следовательно, необходима случайность.

Конечно, французские материалисты не вводили в свои объяснения Бога, а обращались к природе как единственной машине, в действие которой включено всё происходящее. Естественное, по Гольбаху, есть то, что соотносится с сущностью вещей; сущность же – это те свойства, благодаря которым тело является тем, что оно есть. Вселенная представляет колоссальное единство причин и следствий. Природа существует и действует необходимым образом, и всё, что она содержит в себе, способствует вечности её деятельного бытия, «Во время страшных судорог, сотрясающих иногда политические общества и часто влекущих за собой гибель какого-нибудь государства, у участников революций – как активных деятелей, так и жертв – нет ни одной мысли, ни одного желания, ни одной страсти, которые не были бы необходимыми, не происходили бы так, как они должны происходить, безошибочно не вызывали бы именно тех действий, какие они должны были вызвать, сообразно местам, занимаемым участниками данных событий в этом духовном вихре» [3, с. 100].

И вновь Гольбах поясняет: случайность – только лишённое смысла слово, которое мы всегда противопоставляем разуму, не умея связать с ним определённое представление; только из-за незнания причин люди представляли себе высшее разумное существо, управляющее природой; нет никакого высшего разумного существа, просто природа постепенно создала разумных существ – людей. Но и они включены в жёсткий детерминизм: их жизнь – цепь причин и следствий, хотя люди вообразили себе высшее разумное существо, и человек удвоился, он стал понимать себя не только как физическое, но и как духовное существо.

На самом деле, согласно Гольбаху, то, что называли духом, есть нечто протяжённое, твёрдое, обладающее частями, т. е. является частью материи. Иначе оно просто химера, вымысел, ибо душа (или то, что так называют) лишь часть нашего тела. И Гольбах взывает: «О человек! Неужели ты никогда не поймёшь, что ты лишь эфемерное, однодневное существо? И конец его так же неизвестен, как и начало. Человек – не царь природы, ему не суждено добраться до первоначального состояния» [3, с. 128–129], да это и не нужно: мы, исходя из знания причин, представляем, как он дальше будет жить. Ничего сверхъестественного с ним не произойдёт, все события подчинены причинности.

Металлом звучат слова: фатальность – это неизбежный, вечный, необходимый, установленный в природе порядок, или необходимая связь действующих причин с производимыми ими следствиями. Необходимость управляет и физическим, и духовным миром. Нам кажутся случайными те события, причин которых мы не знаем.

Надо заметить, что гольбаховские выводы опередили знаменитые выводы П. Лапласа. Именно последнего считают основателем жёсткого детерминизма, хотя, по справедливости, им следовало бы считать Гольбаха. Лаплас устанавливает принципы детерминизма на 30 лет позже.

«Гений», или «Демон», Лапласа появляется в 1812 г., в работе по теории вероятностей: «С точки зрения последовательного детерминизма, – убеждает Лаплас, – любое событие в объективном мире однозначно детерминировано предшествующими событиями, те, в свою очередь, событиями, предшествующими им и т. д.» [6, с. 196]. Ум, которому были бы известны для какого-то данного момента все силы, одушевляющие природу, и относительное положение всех её составных частей, если бы вдобавок он оказался бы достаточно обширным, чтобы подчинить все данные анализу, обнял бы в единой формуле движение легчайших атомов: не осталось бы ничего, что было бы для него недостоверным, и будущее, так же, как и прошлое, предстало бы перед его взором» [6, с. 9]. Случайным же мы называем, согласно Лапласу, те события, которые пока не удаётся истолковать как необходимые. Лапласовские математические формулы вместе с философскими выводами вошли в фонд жёсткого детерминизма, по-видимому, потому, что математическое изложение казалось более точным, хотя, как мы видели, Гольбах пришёл к этим решениям раньше.

Гольбаху не раз предъявляли упрёки в том, что он уничтожил человеческую свободу. Но «личный враг господ Бога» (так его называли современники) и не думал отпираться: для него свобода – такое же лишённое смысла слово, как и случайность. Нет никакой свободы у человека; вся его жизнь в мельчайших подробностях определена бесконечной цепью причин-следствий.

Гольбах хочет до конца опровергнуть уверения церкви относительно свободы человека: «Наша жизнь, – пишет он, – это линия, которую мы должны по повелению природы описать на поверхности зелёного шара, не имея возможности удалиться от неё ни на один момент. Мы рождаемся помимо нашего согласия, наша организация не зависит от нас, наши идеи появляются у нас произвольным образом...» [6, с. 209]. Наши привычки зависят от тех, кто сообщает их нам; чтобы быть свободным, убеждён автор, надо оказаться сильнее природы, а это невозможно.

Гольбах как будто не замечает, что воспитание призвано исправлять природу, а не следовать ей. И он действительно этого не замечает, не замечают и его друзья, за исключением Дидро.

Но из системы фатализма следует, как будто, непреложный вывод: если всё предопределено бесконечной цепью причин-следствий, то, что бы человек ни сделал, нельзя его за это наказывать, нельзя даже осуждать – ведь его действия есть результат действия необходимых причин. И Гольбах склоняется к такому выводу, хотя и не однозначно. В его книге есть глава, в которой разбирается вопрос, опасна ли система фатализма. Конечно, он отвечает: нет! «Нам говорят, что если все поступки людей необходимы, то мы не вправе не только наказывать, но даже сердиться на них» [6, с. 240]. Но Гольбах, как будто не сомне-

вается в отрицательном решении, надо сказать, что в нём не сомневаются ни Гельвеций, ни Ламетри; один лишь Дидро и сомневается и отвечает вовсе не так, как Гольбах (позже увидим как). Ответ Гольбаха гласит: «Сколь бы необходимой причиной ни вызывались поступки человека, если законодатель ставит своей целью остановить их и если он возьмётся за дело, как следует, он может быть уверен в успехе» [6, с. 241]. Но почему же законодатель имеет право наказывать или вознаграждать людей? Да потому, что, несмотря на необходимость абсолютно всех поступков, мы всё же подразделяем их на благородные и низкие. Вспомним: ведь даже Эдип, с одной стороны, возлагал вину за свои несчастья на богов; с другой же, признал себя виноватым – ведь он *сам* совершил их.

Гольбах полагает, что, поскольку мы всё же считаем поступки либо хорошими – если они направлены на благо обществу, либо дурными, – мы вправе либо награждать, либо наказывать совершивших их людей. Хотя Гольбах и призывает к тому, чтобы не требовать слишком тяжёлых наказаний, а, наоборот, проявлять снисходительность: «Таким образом, учение о необходимости не только не является истинным и основывается на надёжном опыте, но даёт, кроме того, прочную, непоколебимую основу морали» [6, с. 251]. «Это учение не только не подкапывает фундамент добродетели, но, напротив, показывает необходимость последней» [6, с. 251].

Современный внимательный читатель тем не менее усомнится в правильности гольбаховских выводов: ведь если человек по необходимости совершает дурные поступки, то его не за что наказывать.

Гольбах же уточняет: самое большое, что можно извлечь из системы фатализма, это снисходительность, всеобщая снисходительность. Как будто верно, но внезапно мы обнаруживаем, что наш сердобольный барон в некоторых случаях даже требует для преступников... смертной казни. Ничего себе снисходительность!

Точно такое же противоречие мы находим в объяснении источников пороков: с одной стороны, Гольбах признаёт, что как одни почвы производят восхитительные плоды, а другие – тернии, так и в самой природе заложены для людей добродетельные или злостные задатки.

И тем не менее «человек дурен не потому, что он рождается таким, а потому, что его делают таким» [6, с. 251] – делают воспитатели. А как же почвы?

Итак, Гольбах предлагает человеку понять природу и своё место в ней – тогда он уяснит, что он собой представляет и как ему себя вести, учитывая причинно-следственные связи, так как природа и представляет собой огромную цепь таких причин.

Все ли просветители разделяли доводы Гольбаха? Нет; с удивлением обнаруживаем, что другой известный материалист Клод Адриан Гельвеций склоняется к принятию... случайности в качестве главного фактора

человеческой жизни. Всё поведение человека, все его как будто странные поступки, думает Гельвеций, обусловлены действием случая, причин которого мы не знаем.

Действительно, случая нельзя предусмотреть, причин его не удаётся найти, включить его в человеческие действия невозможно. И всё же он существует. И не только существует, но вмешивается в судьбу людей.

Если говорить о том, что человек – продукт природы, то надо признать, убеждён Гельвеций, что у всех людей от природы одинаковые органы восприятия, одинаковые ощущения и потому одинаковые умственные способности. Ведь, по Гельвецию, так же, как согласно Гольбаху, ум есть не что иное, как сравнение ощущений, их анализ, выводы из этого анализа. «Физическая чувствительность есть единственная причина наших мыслей, наших страстей и нашей общительности» [1, с. 86]. И если мы зададимся вопросом, от природы ли даны таланты, способности, дарования, то должны будем ответить: «Нет!». «Все люди с обыкновенной, нормальной организацией обладают одинаковыми умственными способностями» [1, с. 67]. Они все одинаковы. Откуда же возникает различие? Что ещё, кроме природы, определяет жизнь человека? Воспитание.

В этом утверждении Гельвеций солидарен со своими друзьями, правда, он уделяет особое внимание тому, на что они не обратили внимания – на случай, вторгающийся в воспитание.

И у обыкновенных людей, и у людей гениальных все их поступки и все их идеи определены воспитанием. В раннем детском возрасте воспитателями служат окружающие ребёнка предметы, когда он натывается на что-либо и падает, когда он встречает препятствие, предметы учат его обращать на них внимание; к одним относиться с осторожностью, к другим – с доверием. Даже у детей в одной семье разное воспитание.

Если, скажем, ведут на прогулку, то и она протекает различным образом: мать ведёт ребёнка безопасными тропами, не торопясь, и у него воспитываются боязнь и осторожность. Отец же выбирает более опасные обходы и кручи; преодолевая их, ребёнок становится смелым.

Ещё больше различий в школьном образовании: уже сформированные в детстве увлечения и желания сочетаются с идеями воспитателей и по-разному формируют у ребёнка его способности и умственные действия.

То же относится и к гениальным людям «Когда в 20 лет Александр (Македонский. – Т.Д.) приступил к завоеванию Востока, он был уже литературно образованным человеком и великим полководцем. В том же возрасте Сципион и Ганнибал строили грандиознейшие планы и осуществляли грандиознейшие завоевания. Каким же образом эти греки и римляне, будучи одновременно писателями, ораторами, полководцами, государственными деятелями, могли занимать самые различные государственные посты, выполнять эти обязанности и часто

даже слагать их с себя в таком возрасте, в котором в наше время ни один гражданин уже не в состоянии был их выполнять? Неужели человеческая организация была в то время более совершенной? Разумеется, нет» [1, с. 14–15].

«Следовательно, столь продолжительное превосходство в морали, политике и законодательстве должно считаться результатом их воспитания» [1, с. 14–15]. Ну, а в воспитание вторгается случай, который потому и есть случай, что его нельзя предусмотреть. Он никогда не бывает одинаковым для разных людей, даже если они братья и воспитывались как будто одинаково. «Наша жизнь есть длинная цепь таких случайностей» [1, с. 22]. «Не только разные, но одни и те же предметы оказывают на нас различные впечатления... От случая зависит, богат он (воспитанник. – Т.Д.) или нет, от случая зависит выбор им общества, друзей, книг, любовниц. Таким образом, случай определяет большинство его воспитателей» [1, с. 27].

Наиболее резко выраженные характеры иногда порождены бесчисленным множеством мелких случайностей. Случай оказывает неизбежное и значительное влияние на наше воспитание. События нашей жизни часто являются плодом ничтожнейших случайностей. И даже гениальные идеи часто результат какого-нибудь случайного слова, случайной книги, случайного пустяка.

Возьмём, далее, жизнь Шекспира. «Если бы Шекспир всегда оставался, подобно своему отцу, торговцем шерстью, если бы он от дурного поведения не был вынужден бросить торговлю, если бы он не пристал к распутной компании, не украл ланей в парке одного лорда, не вынужден был бы спастись бегством в Англию и поступить в труппу актёров, если бы, наконец, не наскучив быть посредственным актёром, он не стал автором, то Шекспир с его житейским здравым смыслом никогда не сделался бы знаменитым Шекспиром» [1, с. 29].

Но проявляются ли в жизни Шекспира случайности?

Вполне можно думать, что в таком описании всё подчинено необходимости. Так, можно было бы сказать, что неспособность вести спокойный образ жизни (причина) заставила Шекспира примкнуть к плохой компании, а неумение играть на сцене (причина) привело его к авторству. Таким образом, описание могло бы быть дано как с позиции случайности, так и с фаталистических позиций. Не возводится ли случайность в ранг необходимости? Однако Гельвеций считает, что именно отрицание фатальности определяет жизнь человека и заставляет возлагать бóльшую ответственность на воспитателя, который иначе ничего бы не делал.

До последних страниц работы «О человеке» (1772) Гельвеций убеждает читателя во всеилии воспитания и случая. «Если даже сделать возможным предположение, будто у людей находятся перед глазами одни и те же предметы, то и тогда, поскольку предметы не все действуют

на них в момент одинакового состояния души, они не вызовут в них одинаковых действий. Таким образом, мнимое единообразие воспитания, получаемое в школах или в родительских домах, представляет одну из тех гипотез, которые доказываются фактами и тем влиянием, какое имеет случай, не зависящий от наставников, имеет и всегда будет иметь на воспитание детей и юношей» [1, с. 536–537].

Ни Гольбах, ни Гельвеций не видят противоречий в своих рассуждениях. И их как будто и нет, ведь Гельвеций, как и Гольбах, считает случаем то, причину чего мы не знаем. Но если считать, что всё предопределено, то предопределены и случайности, следовательно, они существуют. Однако, как уже говорилось, тем самым случайность возводится в ранг необходимости. И всё же необходимость и случайность противоположны: ведь необходимость – это то, чего не может не быть, а случайность – то, что может не быть. Эту противоположность видит один просветитель – Дени Дидро.

Он хочет понять сам способ рассуждений своих друзей. И открывает, что доводы в пользу тезиса неожиданно оборачиваются доводами в пользу антитезиса. И наоборот. Ведь если мы уверяем, что всё в мире необходимо, так как всё имеет свою причину, то и случайности необходимы и где-то их причина существует, а если так, то случайность оборачивается необходимостью. А если же всё случайно, то случайна и случайность; значит, есть необходимость.

Свои рассуждения по этому вопросу Дидро излагает в интереснейшем романе «Жак-фаталист и его хозяин», написанном, по-видимому, в 1773 г. в Гааге, где он остановился на пути в Петербург. Этот роман высоко оценили Гёте и Шиллер. Гёте в 1780 г. писал об этой рукописи (ибо роман при жизни Дидро не был опубликован), что он – прекрасное произведение, как тонкое и изящное кушанье, предназначенное для какого-то идола, и что он сам занял на время чтения место этого идола. А Шиллер в 1785 г. перевёл одну его новеллу – «Месть госпожи де ла Померэ». В нескольких своих новеллах Дидро показывает как раз превращение необходимости в случайность, а случайности в необходимость и тем самым иллюстрирует, что обе они являются полюсами одного способа рассуждения, противоречивого по своей сути. Почему это противоречие существует, он понять не может, но оно есть, и устранить его невозможно.

Этому подчинён весь сюжет романа: его, собственно, и нет – путешествуют Жак-слуга и его хозяин и во время путешествия спорят о жизни, её событиях, предопределённости и случайности, о роке и судьбе.

Дидро не случайно называет Жака фаталистом, чтобы подчеркнуть его принадлежность к сторонникам Спинозы. И вместе с тем хитроумно раскрывает, что фатализм опровергает себя сам. Дидро заставляет читателя мучиться вместе с ним, решая вопрос, отнести ли какое-либо событие к необходимым событиям или к случайным.

Вот, например, эпизод с лошадей, на которой путешествует Жак: ни с того, ни с сего лошадь вдруг бросается в сторону от большой дороги и несёт путешественников к... виселицам. Казалось бы – раз случайностей нет и всё в мире необходимо – они должны найти повешенными знакомых. Но этого нет, виселицы пусты.

Путешественники возвращают лошадь обратно, и вновь она бежит к виселицам. Хозяин тут говорит Жаку: «Как ни крути, либо лошадь твоя с норовом, либо ты будешь повешен». Жак тут же отвечает: «А, может, будете повешены вы», на что хозяин парирует: «Что ты глупости говоришь, дурак», а Жан отвечает: «Возможно, это будет судебная ошибка».

Обратим внимание: Дидро намеренно даёт *несколько* вариантов ответа, подчёркивая случайность события, ведь у фатализма имеется только *один* вывод, вытекающий из одной причины. Здесь – несколько, следовательно, это не фатальное событие. Что примет читатель? Фатальный или случайный ход вещей? Проблема ещё более обостряется, когда лошадь в третий раз бежит к виселицам, а потом выясняется, что она раньше принадлежала... палачу. Является ли её «побег» необходимостью, случайностью или... привычкой? И к чему относится привычка? Читатель тем самым приглашается участвовать в решении проблемы и ответить на эти вопросы.

Включается он и тогда, когда Жак представляет себя как ученика Спинозы и доказывает, что все события нашей жизни цепляются друг за друга, наподобие звеньев мундштучной цепочки, и ни одного звена нельзя выбросить без того, чтобы не изменить всё целое. Ведь тогда свиток судьбы был бы написан по-другому, так как одна причина влечёт за собой только одно следствие. «Как! – восклицает Жак. – В великом свитке было бы написано, что Жак шею сломит – а Жак шею не сломит? – Это невозможно, кто бы ни был автором великого свитка».

Трудность состоит в том, что человек не знает, что ему на роду написано, поэтому он поступает, как ему кажется правильным. Не получается ли тогда, что судьбы как будто бы нет, всё равно что нет? Можно ли тогда назвать его поступки необходимыми?

Дидро не отвечает положительно, он отвечает скорее отрицательно: есть ли судьба, нет ли, человеку неизвестно, вследствие этого он надеется не на неё, а на себя. Свобода ли это?

И Дидро отвечает: если судьба предусмотрела всё, то она предусмотрела как бы неподчинение себе, и человеческие поступки также оказываются покорностью судьбе, только более удобной и лёгкой.

Дидро упрекает затем фаталиста-Жака, который не должен был бы ни смеяться, ни плакать, а понимать (так учил Спиноза). Однако Жак вёл себя, как мы с вами: благодарил доброго человека, сердился на злого. Вплетено ли его поведение в текст свитка судьбы? Вроде бы да, так как

судьба предусмотрела всё. Но существует ли тогда фатальная неизбежность событий? Руководим ли мы судьбой, или она руководит нами, или это существует рядом?

Тема соотношения свободы (воспитания) и необходимости (природы) включена Дидро и в спор героев «Племянника Рамо» (другого его романа, написанного в Гааге, по-видимому, в том же 1773 г.). Идёт спор между музыкантом Рамо и философом. На вопрос философа, будет ли он воспитывать своего сына, Рамо отвечает отрицательно: если ему суждено стать честным человеком, я ему поперёк дороги не встану. Если бы я решил идти наперекор судьбе (природе), то, что бы я ни сделал, его всё время тянули бы в противоположные стороны две разные силы и он шёл бы по жизни криво.

И, однако, реакция Рамо неожиданно меняется, и он, противореча себе, признаётся в том, что если он предоставит сыну расти, как растёт трава (в природе), то тот, помимо желаний удовольствий, когда станет зрелым, может убить отца и осквернить ложе своей матери. Следовательно, воспитание (свобода) необходимо. А как же быть с предопределением природы? Или она включает в него воспитание?

Продолжая спор с философом, упрекавшим Рамо в том, что, будучи чувствительным к красоте, он нечувствителен к красоте нравственной, Рамо ссылается на природу и её предустановления: «У моего отца и дяди одна кровь; у меня кровь та же, что у отца; отцовская молекула была груба и невосприимчива, и эта проклятая молекула переделала на свой лад всё остальное» [5, с. 177]. Защищаясь от упреков в аморальности, Рамо настаивает на том, что о его «пороках позаботилась сама природа» [5, с. 148]. Если бы я сделал вид, продолжает он, что не интересуюсь бесплатными яствами и удовольствиями, и притворялся бы Катонем, то я был бы лицемером. А Рамо должен быть самим собой.

В речах Рамо акцент сделан на необходимости природных установлений; воспитание, по мысли Рамо, не может существенно изменить поведение человека, так как природа – единственное основание человеческой жизни, и перебороть её невозможно.

И всё же, когда Рамо бросает в лицо фаворитке своего благодетеля слова о её бездарности и теряет вследствие этого выгодный спокойный кров, он сам оценивает свой поступок как действие проснувшегося чувства собственного достоинства, никак не обусловленного никакими чувственными желаниями и, следовательно, природными намерениями: «Ведь должно же быть достоинство, присущее человеческой природе, – восклицает он, – оно пробуждается ни с того, ни с сего, ибо бывают дни, когда я готов пойти на любую низость» [5, с. 103]. Тем самым Рамо отказывает природе в непреложности её законов и в том, что она – *единственное* основание человеческой жизни.

Дидро, таким образом, привлекает внимание читателя к антиномичности истины Просвещения: на первый взгляд казалось, что воспитание лишь следует природе и та есть единственное основание человеческой

жизни. Но более внимательный анализ показывает, что воспитание противостоит природе, оно переделывает её и, следовательно, человеческая жизнь зависит от двух противоположных оснований. Тем самым Дидро открывает диалектику в рассуждениях просветителей и совершает тот важный шаг, которого не сделали ни Гольбах, ни Гельвеций.

Шутливое изображение прекращения спора Жана с трактирщицей, представшей перед ним с двумя бутылками вина, так как это было предначертано судьбой, свидетельствует о том, что Дидро прекрасно понимал, что делает. Дидро обогащает повествование и другими случайностями. Читает свои поэмы случайно появившийся и далее нигде не фигурирующий пондишерийский поэт; возникают погребальные дроги, никуда не направляющиеся. Случайности существуют, показывает Дидро, от них избавиться нельзя.

Дидро не просто замечает противоречивость необходимости и случайности – он показывает, что каждая из этих противоположностей чревата другой, и если мы доказываем, что *всё* в мире необходимо, мы приходим к выводу, что необходима и случайность. А отправляясь от вывода, что *всё* случайно, мы констатируем, что и случайность случайна, т. е. возвращаемся к необходимости.

Размышляя над таким способом рассуждения своих единомышленников, Дидро видит, что он внутренне противоречив, что тезис А включает в себя антитезис В и наоборот.

Тот эпизод, который вдохновил на перевод Шиллера, тоже нацелен на то, чтобы пробудить сомнения в продуктивности фатализма.

Содержание новеллы в том, что брошенная своим возлюбленным некая маркиза решила ему отомстить. Для этой цели она научила хорошим манерам женщину лёгкого поведения и дала ей некоторое образование, а затем познакомилась с коварным любовником. Женщина была очень красива, и тот влюбился и на ней женился. А поскольку он был из древней аристократической семьи, маркиза была уверена, исходя из всей его жизни, что, узнав всё, он выгонит жену и предастся отчаянию. Но вышло не так: герой после некоторого ошеломления сказал: «Вы – моя жена; всё, что было раньше, меня не интересует».

Дидро таким образом показывает, что, даже исходя из предыдущего поведения, нельзя с уверенностью сказать, как человек будет себя вести в дальнейшем, что человека нельзя «рассчитать», что, стало быть, никакого рока нет.

Это особая диалектика (кстати, Гегель считал Дидро единственным диалектиком внутри Просвещения).

То же противоречие между природным (необходимым) и социальным (воспитанным, свободным) видно в толковании «естественности» дикарей с Таити.

Как говорилось, просветители основывали свои рассуждения на природности человека. Человек был признан продуктом природы, все свойства и потребности которого определены природой. Природа при-

знаётся также основанием социальной жизни: всё, что служит на благо обществу, благородно и эффективно. Общественные же интересы складываются из индивидуальных.

Такие представления сопровождают понимание «естественного человека», дикаря, в описаниях просветителями первобытных людей. Таково их описание, данное в Добавлениях (1771), данных Дидро к «Путешествию» А. Бугенвиля. В придуманных Дидро разговорах между таитянином и европейским священником открываются все преимущества «естественного» и разумного способа жизни таитян.

Здесь все чувства человека, в том числе его любовь к другим людям, к жене, к детям, вырастает из общего интереса, а последний – из стремления индивида к удовольствиям. Каждый заинтересован в сохранении жизни и здоровья своих соплеменников, так как и они заботятся о нём. Здесь заботятся обо всех женщинах, обо всех детях, ценят плодовитую женщину, мужественного юношу, так как их жизнь отдана на благо обществу. На Таити нет незаконных детей, поскольку каждый – будущий работник. Все эти утверждения кажутся естественными и разумными. Но могут ли личные желания противостоят общим интересам? И здесь неожиданно общественные «естественные» стремления открывают свою противоположность эгоистичным желаниям индивида. Так, любовь к женщине, которая не может иметь детей, на Таити приравнивается к распутству и запрещается, за неё полагается наказание чуть ли не в виде рабства. Тогда противоположны ли «естественность» (общественность) и свобода (индивидуальность)? И естественно ли индивидуальное желание?

Итак, Дидро как бы подводит итог взглядам своих друзей по Просвещению: что бы они ни выдвинули в качестве определяющего фактора – необходимость или случайность, – каждый несёт в себе свою противоположность.

Гольбах, Гельвеций, Дидро были первыми авторами, распространившими естественно-научные методы на философию. Они как бы задали тон будущей теоретической работе, и наше внимание к их достижениям будет способствовать будущим удачам.

Какие ещё толкования необходимости и случайности, кроме известных нам по книге Г.Д. Левина, знакомы публике?

Давно, ещё в начале XX века, немецкий философ Е. Майер дал, как нам кажется, достаточно точное определение их: «Каждое событие оказывается и необходимым, и случайным в одно и то же время: оно представляется нам необходимым, когда мы рассматриваем его в связи с тем причинным рядом, звеном которого оно является, и случайным, когда мы смотрим на него с точки зрения причинного ряда, с которым оно только совпадает в пространстве и времени и на которое благодаря этому оно оказывает своё действие» [17, S. 17–18]. Здесь случайность не исчезает с познанием, она связана с эмпирическим, а необходимость с теоретическим уровнем знания и рассматривается как бы на линии пересечения нескольких необходимостей.

В статье о необходимости в третьем томе «Новой философской энциклопедии» Г.Д. Левин связал необходимость и случайность с возможностью и действительностью [7]. Привлечение к вопросу динамических и статистических закономерностей свидетельствуют о повороте в сфере исследования этих категорий.

Попытку связать необходимость с закономерностью делает Ж.Т. Туленов: «Отождествление закономерности с необходимостью, – пишет он, – приведёт нас к признанию случайных явлений закономерными, поскольку случайность есть форма проявления необходимости» [13, с. 256]. Однако связь эту надо раскрыть более детально и всесторонне.

На соотношение жёсткой (однозначной) детерминации и вероятности уповаает и Ю.В. Сачков, рассматривающий их как два противоположных подхода [10, с. 103].

Связывает закономерность и случайности исследователь М. Смолуховский [11, с. 330].

Новые направления исследования намечает В.С. Стёпин. Он пишет о том, что «случайные наблюдения способны обнаружить необычные явления, которые соответствуют новым характеристикам уже открытых объектов либо свойствам новых, ещё не известных объектов» [12, с. 215].

В.С. Стёпин обращает, далее, внимание на связь причинности, возможности и действительности в связи с развитием синергетики: «Случайные флуктуации в фазе перестройки системы (в точках бифуркации) формируют аттракторы (направления. – Т.Д.), которые в качестве своего рода программ-целей ведут систему к некоторому новому состоянию и изменяют возможности (вероятности) возникновения других её состояний» [12, с. 253]. Это расширяет смысл категории «причинность».

Вероятностная причинность выступает здесь характеристикой стохастических взаимодействий элементов системы, а классическая детерминация – характеристикой сохранения целостности системы.

В этом направлении – изучении синергетики в связи с уяснением понятий возможности, причинности, действительности, необходимости и случайности – должна развиваться будущая исследовательско-философская работа.

Список литературы

1. Гельвеций К.А. О человеке // Гельвеций К.А. Соч.: в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1973. 687 с.
2. Гёте И.В. Из моей жизни. Поэзия и правда. М.: Художественная литература, 1969. 606 с.
3. Гольбах П. Система природы // Гольбах П. Избр. соч.: в 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1963. С. 53–700.
4. Дидро Д. Жак-фаталист и его хозяин // Дидро Д. Соч.: в 10 т. Т. IV. М.-Л.: Гослитиздат, 1937. С. 207–538.

5. Дидро Д. Племянник Рамо // Дидро Д. Соч.: в 10 т. Т. IV. М.-Л.: Гослитиздат, 1937. С. 89–206.
6. Лаплас П. Опыт философии теории вероятностей. М.: Типо-лит. т-ва И.Н. Кушнерев и К°, 1908. 207 с.
7. Левин Г.В. Необходимость и случайность // Новая философская энциклопедия: в 4 т. / Председ. научно-ред. совета В.С. Стёпин. М.: Мысль, 2010. URL: <https://iphlib.ru/greenstone3/library/collection/newphilenc/document/HASH-7c4e341e2a88a39d24187c> (дата обращения: 12.10.2017).
8. Левин Г.Д. Необходимое и случайное в действительности и познании // Философия науки. 2015. Т. 20. № 1. С. 82–106.
9. Левин Г.Д. Эмпирия и теория. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2016. 255 с.
10. Сачков Ю.В. Вероятностная революция в науке. М.: Научный мир, 1998. 142 с.
11. Смолуховский М. О понятии случайности и происхождении законов вероятностей в физике // Успехи физических наук. 1927. Т. VII. Вып. 5. С. 330.
12. Стёпин В.С. История и философия науки. М.: Академический проект: Трикста, 2012. 422 с.
13. Туленов Ж.Т. Система законов и категории диалектики. Ташкент: Узбекистан, 1974. 342 с.
14. Ям К. Жан Мелье и французский атеизм XVIII века. М.: Мысль, 1979. 135 с.
15. Buhr M., Dietsch St. Aufklaerung – Geschichte, Revolution, Studien zur Philosophie der Aufklaerung. B., 1986. S. 9–39.
16. Dieckmann H. Religiöse und metaphysische Elemente im Denken der Aufklaerung // Studien zur europäischen Aufklaerung. München, 2008. S. 221.
17. Meyer Ed. Zur Theorie und Méthodik der Geschichte. Halle, 1902. S. 17–18.

SCIENCES OF MAN

Tamara DLUGATCH

DSc in Philosophy, Chief Research Fellow of the Department of the History of Western Philosophy.

RAS Institute of Philosophy, Goncharnaya St. 12/1, Moscow 109240, Russian Federation;

e-mail: dlugatsch@yandex.ru

IS RANDOMNESS NECESSARY? – THOUGHTS OF THE FRENCH ENLIGHTENERS

The article clarifies the relationship between necessity and chance in history, it is viewed through the views of prominent French enlighteners – the materialists Holbach, Helvétius and Diderot. Holbach was one of the first in the 18th century who identified necessity and causality by attributing randomness to phenomena which causes we do not know. In his opinion, everything in the world is rigidly and unambiguous defined; if we know the cause of the present event, then we can think that it will be the cause of the next and so on. There is not a single particle of matter, not a single person that would not be where they should be and they should act exactly as they act, for this had been determined by the preceding series of causes. Holbach's views had outstripped the findings of P. Laplace, who described the alleged Demon, who knew absolutely everything in the past and the future.

It seems that the views of Helvétius, who defended the power of chance, refute the teaching of Holbach. But this is not so: if all that happens is necessary, then chance is just as necessary, and arguments of Helvétius are directed toward this goal. Helvétius focuses on education, proving that everything is determined by the case.

Denis Diderot, reflecting on the way of thinking of his friends, comes to the conclusion that the arguments of necessity turn out to be the justifications of randomness, and vice versa, i.e. move from the thesis to the antithesis, and vice versa, and, in this way, open up a special, non-Hegelian dialectic in their reasoning. This is the subject of his dialogues “Le Neveu de Rameau” (*Rameau's nephew*) and “Jacques le fataliste” (*Jacques-fatalist*).

The reflections on French decisions make possible to outline the prospects for today's researches of the problem. The works of V.S. Stepin have the great influence on the development of them.

Keywords: necessity, accident, reason, chain, connection, dialectics, education, way of thinking, phenomenon, reasoning, dialogue

References

1. Buhr, M. & Dietsch, St. *Aufklärung – Geschichte, Revolution, Studien zur Philosophie der Aufklärung*. B., 1986, pp. 9–39.
2. Diderot, D. “Plemyannik Ramo” [Rameau’s Nephew], in: D. Diderot, *Sochineniya* [Collected Works], Vol. IV. Moscow: Goslitizdat Publ., 1937, pp. 89–206. (In Russian)
3. Diderot, D. “Zhak-fatalist i ego khozyain” [Jacques the Fatalist and his Master], in: D. Diderot, *Sochineniya* [Collected Works], Vol. IV. Moscow: Goslitizdat Publ., 1937, pp. 207–538. (In Russian)
4. Dieckmann, H. “Religiose und metaphysische Elemente im Denken der Aufklärung”, *Studien zur europäischen Aufklärung*. München, 2008, p. 221.
5. Goethe, J.W. von. *Iz moei zhizni. Poeziya i pravda* [From My Life: Poetry and Truth]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura Publ., 1969. 606 pp. (In Russian)
6. Helvetius, C. “O cheloveke” [Treatise on Man], in: C. Helvetius, *Sochineniya* [Selected works], Vol. 2. Moscow: Mysl’ Publ., 1973. 687 pp. (In Russian)
7. Holbach, P. “Sistema prirody” [The System of Nature], in: P. Holbach, *Izbrannye sochineniya* [Selected Works], Vol. 1. Moscow: Mysl’ Publ., 1963, pp. 53–700. (In Russian)
8. Jam, K. *Zhan Mel’e i frantsuzskii ateizm XVIII veka* [Jean Meslier and the French Atheism of the 18th Century]. Moscow: Mysl’ Publ., 1979. 135 pp. (In Russian)
9. Laplace, P. *Opyt filosofii teorii veroyatnostei* [A Philosophical Essay on Probabilities]. Moscow: Tipo-litografiya Tovarishchestva I.N. Kushnerev i Ko Publ., 1908. 207 pp. (In Russian)
10. Levin, G. “Neobkhodimoe i sluchainoe v deistvitel’nosti i poznanii” [The Necessary and the Random in Actuality and Cognition], *Filosofiya nauki*, 2015, T. 20, No. 1, pp. 82–106. (In Russian)
11. Levin, G. “Neobkhodimost’ i sluchainost’” [Necessity and Chance], in: *Novaya filosofskaya entsiklopediya* [New Encyclopaedia of Philosophy]. Moscow: Mysl’ Publ., 2010. [<https://iphlib.ru/greenstone3/library/collection/newphilenc/document/HASH-7c4e341e2a88a39d24187c>, accessed on 12.10.2017]. (In Russian)
12. Levin, G. *Empiriya i teoriya* [Empirical Evidence and Theory]. Moscow: Kanon+ Publ., 2016. 255 pp. (In Russian)
13. Meyer, Ed. *Zur Theorie und Methodik der Geschichte*. Halle, 1902, pp. 17–18.
14. Sachkov, Yu. *Veroyatnostnaya revolyutsiya v nauke* [The Probabilistic Revolution in Science]. Moscow: Nauchnyi mir Publ., 1998. 142 pp. (In Russian)
15. Smolukhovskiy, M. “O ponyatii sluchainosti i proiskhozhdenii zakonov veroyatnostei v fizike” [On the Notion of Randomness and the Origin of Probability Laws in Physics], *Uspekhi fizicheskikh nauk*, 1927, Vol. VII, No 5, p. 330. (In Russian)
16. Stepin, V. *Istoriya i filosofiya nauki* [A History and Philosophy of Science]. Moscow: Akademicheskii proekt Publ., 2012. 422 pp. (In Russian)
17. Tulenov, Zh. *Sistema zakonov i kategorii dialektiki* [The System of Laws and Categories of Dialectics]. Tashkent: Uzbekistan Publ., 1974. 342 pp. (In Russian)